

Время птиц

Когда приходит время птиц...
Когда вообще приходит время
перечитать свой эпикриз
по птичьим росчеркам осенним,

по чёрным галочкам в дыму
и дымке ржавого подлеска, –
вдруг понимаешь, что к чему,
что и тебе придёт повестка,

как журавлю, – в прозрачный день,
пока чудны и зыбки дали,
и жизнь – серьёзная болезнь,
исход которой (у)ле-тален.

Многоточки

Свистнет чайник. В розетке ранетки.
Если лет пятьдесят за спиной,

а в окне те же самые ветки
предзакатной окрашены хной;

если мечешься в поисках счастья,
а вернёшься домой – вот оно, –
что же лучше, чем просто молчать нам,
о любви, о беде – всё равно.

И становятся фразы короче
воробьиных прыжков за стеклом...
Это чёрная сыпь многоточия
на заснеженном молью былом.

Небо

Оставь мне хотя бы сны.
Пусть будет в них всё, как прежде, –
дремотного утра нежность,
горячий настой сосны
на трепете мотыльков,
поднявшихся в бледных травах,
влюблённых цикад орава...

Созвездия узелков
на память, на долгий век
вязала себе, вязала
из тихих изгибов рек
и веточек краснотала,
малинника, в забытыи
ползущего вдоль ограды,

и солнечных паутин
на чёрных изломах сада...

Но помнить – всегда больней,
у памяти всё нелепо...

И ты оставляешь мне
слепое от снега небо.

Хна

Давай я покрашусь по осени хной
и стану иной –
девицей с инопланетным разрезом глаз?

Такие настырно звенят серебром,
спасенье от них – нищета или бром.
Ты любишь как раз таких неземных зараз.

Запястья изящного бледный излом.
Сиди за столом,
вдыхая до одури запах *L'imperatrice*.

Так больно, так сладко, игра, то да сё,
немножко о Фрае, слегка о Басё...
И сердце сползает куда-то в интимный низ.

Я стану осеннему свету сродни.
Господь сохрани
любого, кто выпьет его золотой аи.

Ты душу пропьёшь до последнего ах,
истаешь в моих приворотных дождях,
и всё, что останется, – шорох листвы в крови,
кривая обмётанных инеем губ
и дымный лоскут

последнего утра (ты плечи мне кутал в плед);

озёрного зеркала зыбкая ртуть,
в бокалах вино не допито чуть-чуть,
пустая веранда и яблоки на столе...

Давай я покрашусь по осени хной,
родной?

Бумер

Солнце стекает по гладким стволам эвкалиптов.
Катер даёт гудок и сдаёт к причалу...
Это теперь называют, по ходу, трипом.
Выложишь в Сеть – и сразу же полегло:
вроде уже недаром живёшь на свете,
землю не просто топчешь, а по приколу.
Ну, или после типа покажешь детям –
мол, посмотрите, ваш бумер был тоже молод.

Я не люблю своих фотографий старых.
Глупая девочка, мода ещё глупее.
Дети глядят, как будто на динозавра
или, верней, на скелет его в зоомузее:
мам, это кто? это ты? да ладно, ты что, мам?!..

Я вспоминаю то, что не сфоткаешь сроду:
тёплую пыль на дороге, запах шторма,
старые сходни к старому теплоходу,
вишню, и сквозь листву-решето – ни облака,
песни, которые мама пела когда-то...

Если я что и снимаю теперь, то закаты,
горы, деревья, цветы... Остальное – по боку.

Города

Припоминай: трамвайные пути,
асфальт разбитый, пыль, кусты по краю.
Шиповник жарко пахнет, доцветая...
Мне в этот город дважды не войти.

Не то чтоб он не тот и я не та.
И под забором те же амаранты.
Но нет смешного платьца в цветах
и серых сандалет с прошитым рантом...

Как шёл моим далёким городам
весёлый ситчик на весёлой маме
и наш выдавший виды чемодан —
коричневый с железными замками.

...То осень, то зима в моём окне.
Когда нечасто наступает лето,
оно приходит в серых сандалетах,
которые малы ему и мне.

И тянутся повсюду провода —
связующие ниточки разлуки,
не зная, что уходят в никуда.
Горячие цветные города...
От них остались запахи и звуки.